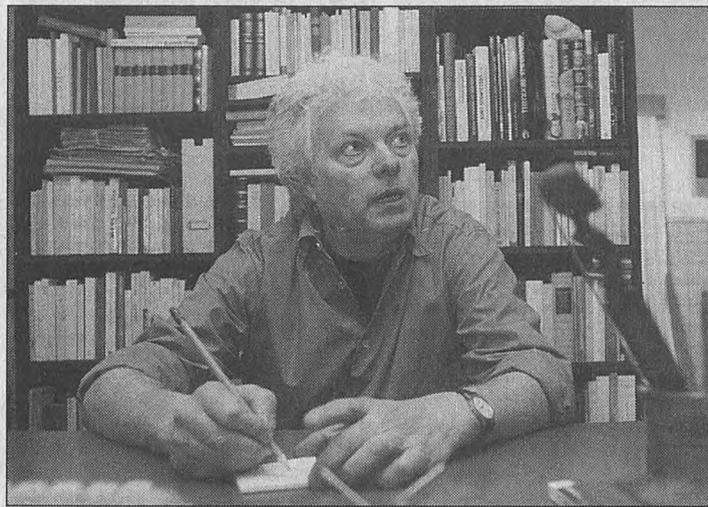

Я ставлю спектакли как композитор и сочиняю музыку как режиссер

Х.Гebbельс

«Хаширигаки» — первый спектакль режиссера и композитора Хайнера ГЕББЕЛЬСА, сыгранный в Москве во время Театральной олимпиады 2001 года, показался зрителям необычным экспериментом. С тех пор они увидели еще две его постановки — «Черное на белом» и «Эраритжаритжака». Выяснилось, что необычные опыты со светом, музыкой и сценографией, эксперименты с актерами и музыкантами — отличительная черта режиссерского почерка Геббельса.

— Господин Геббельс, в чем разница между творчеством композитора и режиссера?

— Сложный вопрос... Я ставлю спектакли как композитор и сочиняю музыку как режиссер. Репетируя спектакль, я иду в нем новые театральные идеи и стараюсь сделать так, чтобы музыка, свет, разные эффекты существовали на сцене независимо друг от друга. По-моему, каждый спектакль нужно создавать как музыкальное произведение. А сочиняя музыку, я стараюсь придумать для нее точную структуру.

— Почему вы начали заниматься режиссурой?

— Я писал музыку для разных театральных спектаклей, по несколько месяцев сидел на репетициях и был разочарован тем, что режиссер все время бьет в одну точку, разными средствами подчеркивая одну и ту же ситуацию. Актеру помогли костюм и декорация. Свет направлялся так, чтобы ситуация на сцене стала еще более четкой и очевидной. А музыка подчеркивала атмосферу и настроение спектакля. Получалось, что режиссер пять раз говорит об одном

и том же. Когда я читал пьесу, у меня в голове возникало множество возможностей ее интерпретации. Спектакль, как правило, раскрывал только одну из этих возможностей. Интерпретацию режиссера, которая меня иногда совсем не интересовала. Я задумался: можно ли сделать спектакль иначе? И стал писать и ставить пьесы для радио, попытавшись отделить в них музыку от текста: в ней рассказывалась одна история, а в тексте — совсем другая... Сейчас я понимаю, что на сцене не нужно ничего иллюстрировать. Музыка должна быть отделена от сценографии, сценография — от света, и так далее. Все выразительные средства театра должны развиваться как независимые друг от друга линии, от этого только усиливается воздействие каждого из них. Думаю, что те, кто видел мои спектакли «Хаширигаки» и «Эраритжаритжака», понимают, о чем я говорю. В них свет не просто освещает лицо актера, а становится на сцене таким же актером. Даже более сильным, чем обычный актер. В «Эра-

ритжаритжака» нет традиционного психологического конфликта. На сцене всего один актер. Этот спектакль строится на противопоставлении актера и света, актера и музыки. Чувствуя их сопротивление и пытаясь его преодолеть, актер становится сильнее.

— Что для вас служит импульсом для создания спектакля? Какие образы возникают в начале работы: музыкальные, сценографические или еще какие-нибудь?

— В каждом случае по-разному. «Хаширигаки» родился из сценографии. Образ «Эраритжаритжака» возник, когда я читал тексты Элиаса Канетти. А мой первый спектакль по пьесе «Геракл 2» Хайнера Мюллера (я поставил ее в 1993 году) возник из интереса к африканской музыке и музыкантам.

— Чем заинтересовала вас эта пьеса?

— Мне нравятся тексты, где литературная форма и структура так же важна для авторов, как содержание. Так писали и пишут очень немногие:

Гертруда Штайн, Хайнер Мюллер, Франц Кафка и Эдгар По. Мне важно не только то, что сообщает текст, но и как это происходит. Иногда в его форме есть что-то музыкальное. Именно так написана пьеса Хайнера Мюллера «Геракл 2». Двойка в названии появилась потому, что в тексте идет речь о втором подвиге Геракла, когда он убивает гидру. Я попытался избежать обычной иллюстрации к истории о Геракле (на сцене не было греческих одеяний и античных храмов). И построил спектакль на конфронтации европейской и африканской музыки и текста о Геракле. Актеры не знали, в каких сценах будут играть африканцы, а музыканты не знали, когда актеры произнесут слова, на которые они должны реагировать. Из-за этого на сцене все время возникало напряжение.

— Сколько времени у вас уходит на постановку спектакля?

— Я выпускаю спектакли раз в два года. Долго готовлюсь к каждому, размышляю. Но это прежде всего работа для меня самого. Примерно за год до премьеры я провожу workshop, где мы с артистами и музыкантами три-четыре дня очень интенсивно работаем. Потом я снова размышляю над конструкцией спектакля, сочиняю музыку, свет, костюмы. Репетиции в общей сложности длятся не больше четырех недель.

— Когда вы понимаете, что спектакль готов?

— Когда приходит публика... Мы до последнего момента должны быть готовы к появлению новых идей, новых возможностей. Я стараюсь как можно дольше сохранять открытую структуру спектакля, чтобы меня потом не упрекали, что я что-то упустил. Такое возможно, только если я доверяю людям, с которыми работаю, а они доверяют мне. Например, во время репетиций спектакля «Черное на белом» музыканты предложили мне использовать японские и африканские инструменты, о существо-

вании которых я даже не знал. Но как композитор и режиссер принял их идею. Для меня искусство — это не творческие идеи одного человека, а, скорее, сумма опыта и творческих идей команды, работающей над спектаклем. Можно сказать, что искусство — это коллективная память.

— Обычно в немецком театре режиссер должен четко знать, чего он хочет. Некоторые даже заранее придумывают свои спектакли.

— Мне это неинтересно. Как неинтересен психологический театр, где актер перевоплощается в определенный образ и существует в нем на сцене. Мой театр построен на структурах и противоречиях разных структур. У меня нет мессиджа, некоего сообщения, которые я хочу передать зрителям. Я просто занимаюсь какой-то темой или несколькими темами. И приглашаю зрителей разделить мои наблюдения, заняться тем же самым. Я только показываю ему театральные компоненты, с которыми я работаю. Хотя эти компоненты очень точны.

— Но ведь в спектакле они объединяются.

— Ничего подобного. Они объединяются в голове у каждого зрителя. Можно сказать, что в этом есть что-то психоделическое. Например, когда в «Эраритжаритжака» концерт начинает медленно превращаться в спектакль. Или когда на сцене появляется маленький домик с горящими окошками и актер ложится на пол рядом с ним. В эти моменты каждый представляет себе что-то свое. Я абсолютно уверен в этом. По-моему, спектакль — это сумма представлений разных людей, которые его смотрят или будут смотреть.

Беседу вела
Ольга РОМАНЦОВА
Фото Екатерины ШТУКИНОЙ
("Газета")

Кубыгура. — 2005. — 16-22 июня. — с. 8